

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИКЪ

САКРАЛЬНАЯ
ГЕОГРАФИЯ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ТОМ СОРОК ВОСЬМОЙ
2024

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ТОМ СОРОК ВОСЬМОЙ

Под общей редакцией К.А. Панченко

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 26.06.2024 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 23,75. Заказ № 32626.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2024

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук
- Д.Р. Жангиев
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Кереметский
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко
технический редактор
- Т. Лефко
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

- М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн
научный сотрудник Музеев Московского Кремля
- Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Dmitriy R. Zhantiev
C.Sc. (History), Deputy Editor-in-Chief
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko
Technical Editor
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

- Mikhail V. Baranov
C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun
Research fellow at the Moscow Kremlin Museums
- Ruslan G. Gagkuev
D.Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

И.В. Курюкин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Anton A. Gorskiy

D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Igor V. Kurukin

D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lansky

D.Sc.(History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- К.А. Панченко**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

-
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Constantin A. Panchenko**
D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of the Middle Eastern History)
- Efim I. Pivovarov**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый вниманию читателей номер журнала посвящен теме сакральной географии в христианских и мусульманских культурах Ближнего Востока в широком временном диапазоне от поздней Античности до Новейшего времени. Понятие «сакральная география» включает в себя обширный спектр сюжетов, таких, как объекты поклонения, «места силы», календарный цикл праздников, паломничество и сопутствующие ритуалы в религиозных традициях самых разных народов и цивилизаций.

Эта тематика ни в коей мере не сводится к описательным, нарративным сюжетам, реконструкциям застывшей картины святых мест и религиозных обрядов той или иной этноконфессиональной группы. Сакральную географию есть смысл изучать только в динамике, как процесс постоянно-го изменения, усложнения или упрощения системы культовых объектов, разрастания или упадка вдохновленного ими литературного творчества, отливающегося в паломнические итинерарии и циклы преданий, связанных с местами поклонения. Динамика сакральной географии выступает индикатором жизненной энергии того или иного народа. Культ пророков, святых, мучеников образует кристаллическую решетку этномаркеров, поддерживающих идентичность любого человеческого сообщества. Места поклонения фиксируют его связь с «вещающим ландшафтом». Традиции паломничества способствуют этнической или надэтнической консолидации. В некоторых случаях на них держится сама экономика религиозных структур. Соответственно, утрата звеньев сакральной географии, забвение соответствующих традиций ведут к ослаблению резистентности этноконфессиональной группы перед лицом внешних вызовов, что может закончиться ее исчезновением. Задачи и направления изучения сакральной географии рассматриваются во вводной статье К.А. Панченко.

Материалы первого раздела номера посвящены различным аспектам почитания святых мест в христианских культурах византийского круга. Общетеоретические сюжеты типологии и эволюции священных пространств на примере конкретных регионов Крыма и византийского Египта рассматриваются в статьях П.В. Кузенкова и А.В. Войтенко.

Несколько выходя за рамки восточнохристианского мира, Д.Е. Мишин представляет картину сакральной географии сасанидского Ирана, империи, столь же идеологически мотивированной, как и ее вечный противник христианская Византия. Иранский зороастризм — религия, типологически не имеющая ничего общего с христианством; тем интереснее сопоставить общее и особенное в моделях сакральной географии двух идеократических империй. В принципе, потребность в своей системе мест поклонения и завязанных на нее обрядах так или иначе присуща любому человеческому сообществу, и носители самых разных цивилизаций иной раз демонстрируют удивительное сходство традиций почитания священных объектов.

Наряду с общетеоретическими сюжетами в номере представлены конкретные примеры локальных или региональных систем мест поклонения и их эволюции в тесной взаимосвязи с судьбами окружающих их христианских сообществ. Так, статья К.А. Панченко посвящена христианской «резервации» центральной Сирии — плато Каламун между Дамаском и Хомсом, до недавнего времени — зоне компактного расселения христиан и бытования новоарамейского наречия, с сетью монастырей и местночтимых объектов поклонения. Волны развития, усложнения и деградации этой системы можно попытаться связать с этнокультурными и демографическими процессами в среде христианского населения региона.

Многие из узлов ближневосточной сакральной географии имели не региональный, а общехристианский характер, собирая вокруг себя представителей далеких друг от друга народов и культур. Наряду с Иерусалимом, обителями Иудейской пустыни и рядом других монашеских сообществ это был монастырь Св. Екатерины на Синае, мощный центр духовной гравитации христианского мира. В статье Е.В. Романенко рассматриваются гипотетические сюжеты паломничества на Синай Нила Сорского, одного из величайших монашеских авторитетов средневековой Руси.

Проблематика святых мест Палестины была столь же значима для русского сознания и в последнее столетие Российской империи — вспомним, что спор о владении ключами Вифлеемской базилики Рождества послужил предлогом для начала Крымской войны. В начале XX в. Россия в лице ряда полугосударственных структур имела значительное влияние в ближневосточном регионе, отражением чего стал проект великой княгини Елизаветы Федоровны, возглавлявшей Императорское Православное Палестинское общество, получить в российскую собственность ряд участков внутри храма Гроба Господня. Этой близкой к воплощению, но в итоге несбывшейся мечте великой княгини посвящена статья Е.Ю. Ковальской.

Второй блок материалов номера связан с аналогичными сюжетами сакральной географии уже на примере исламской цивилизации.

Одним из стержневых ритуалов почти любой культуры выступает институт паломничества к святыням своей религии. Однако, пожалуй, нигде эта традиция не возведена на такую высоту, как в исламе. Хадж (паломничество) к святым городам Аравии выступает одной из важнейших религиозных обязанностей мусульманина. На протяжении веков паломничество играло огромную роль в идейно-политической и социальной жизни мусульманских обществ, а также выступало основой экономики святых городов Хиджаза. В частности, претензии османских султанов на лидерство в мусульманском мире подкреплялись их титулом *хадим аль-харамейн* («слуга двух святынь», то есть Мекки и Медины). Важнейшей обязанностью османской государственной системы считались ежегодная организация и проведение паломнических караванов. Один из них, возглавлявшийся дамасским пашой, объединял потоки паломников из азиатских и европейских территорий, входивших в мусульманскую цивилизацию; другой, снаряжавшийся властями османского Египта, вел в Мекку богомольцев из африканских стран. Функционированию этих двух паломнических маршрутов — египетского и сирийского — посвящены статьи С.А. Кириллиной и Д.Р. Жантиева. Систему духовных центров на крайнем юго-западе мусульманского мира, на

стыке Магриба и тропической Африки, рассматривает в своем исследовании В.В. Орлов. Картина мусульманских сакральных пространств, поданная с восточного, шиитского ракурса иранским интеллектуалом XI в. Насиром-и-Хусрау, представлена в статье М.А. Рейснер.

Проблема легитимации и сакрализации своей власти так или иначе стояла перед всеми мусульманскими правителями, однако, может быть, наиболее чувствительной она была в Мамлюкском султанате средневекового Египта, управлявшемся сословием воинов-рабов, мусульман в первом поколении. Статья М.Ю. Илюшиной показывает, как мамлюкские султаны, отнюдь не претендуя на собственный духовный авторитет, пытались вписать свои усыпальницы в сакральный ландшафт Египта, обрести благодать местных духовных авторитетов.

Крайне любопытными выглядят сюжеты противоборства цивилизаций с разными системами сакральной географии и моделями ее восприятия. Одним из таких эпизодов, оставивших по себе долгую память, был Египетский поход Бонапарта, когда в непосредственной близости от главного святого города авраамических религий произошло драматическое столкновение нескольких непохожих миров. Статья Т.Ю. Кобищанова рассматривает события Египетского похода в контексте восприятия сакральных объектов региона в мусульманской и христианской традициях, а также с секулярной точки зрения французского революционного общества, представленного Бонапартом и его окружением.

Сакральная география неоднократно выступала полем битвы в конфликтах цивилизаций. Разрушение вражеских культовых объектов или присвоение чужих «мест силы» являются самыми частотными и наглядными проявлениями этого. Яркий пример такого рода — судьба главного византийского собора, храма Св. Софии, ставшего мечетью Айя София, а в недавнее время претерпевшего ряд других резких изменений своего статуса. Исследование М.И. Якушева посвящено трансформации внутреннего облика мечети в османскую эпоху и восприятию этого европейскими художниками, работавшими в османской столице.

Секулярные государства Нового и Новейшего времени в не меньшей степени, чем религиозно мотивированные средневековые общества, заинтересованы в конструировании своей сакральной географии. Как правило, такие идейно значимые объекты в наше время носят светский характер, чаще всего они ассоциируются с событиями военной истории. Достаточно остро стоит потребность в своих культовых местах у недавно возникших государств без серьезной исторической традиции, таких, как арабские княжества Персидского залива. Работа Е.С. Мелкумян рассматривает попытки сконструировать собственное славное прошлое в Кувейте, чья история непродолжительна и небогата яркими событиями.

Материалы, представленные в этом номере, отражают лишь малую часть возможных ракурсов изучения объектов поклонения и завязанных на них традиций. Хочется надеяться, что настоящая публикация стимулирует интерес к сакральной географии — именно как динамическому явлению, отражающему политические интересы, культурное творчество, социальную динамику, духовные искания самых разных людей и тех народов и культур, которые они представляли.

Несмотря на то, что номер является тематическим, в нем публикуется материал, подготовленный В.В. Хутаревым-Гарнишевским — «Февральская революция в Москве в наблюдениях, слухах и диалогах. Из дневников Н.П. Вишнякова». Решение о размещении в тематических номерах документов и источников, не связанных с основной темой, принимается редакцией по мере готовности материалов, публикация которых была начата ранее. Данная публикация продолжает издание эпистолярного наследия Вишнякова, начатого в 38-м номере журнала, и является отрывками из двух рукописей: «Автобиографические заметки» и «Думские воспоминания и впечатления».

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

EDITORIAL

Readers will be excited to learn that this issue of the Historical Reporter explores sacred geography in Christian and Muslim cultures of the Middle East across a broad timeline, from Late Antiquity to Modern times. The concept of «sacred geography» includes a wide range of subjects, such as worship sites and «places of power», along with the associated festival calendar, pilgrimages, and accompanying rituals, as observed in the religious traditions of diverse peoples and civilizations.

This subject is by no means reduced to descriptive, narrative stories, or frozen snapshots of holy sites and religious rituals typical of this or that ethno-confessional group. The only viable way to study sacred geography is as a dynamic process: as constant change, complication or simplification of the religious site system, and the growth or decline of the literary creativity inspired by such sites, which manifests through pilgrimage itineraries and legend cycles associated with places of worship. The dynamics of sacred geography serve as a vitality indicator for a specific people. The veneration of prophets, saints, and martyrs crystallizes into the metaphorical lattice of ethnographic markers, which uphold the identity of any human community. Places of worship have a clearly visible connection to the landscape they are integrated into. Pilgrimage traditions foster ethnic or supra-ethnic consolidation. In some instances, the very economy of religious structures is built upon them. Consequently, if elements of sacred geography are lost and the related traditions are forgotten, this can weaken the ethno-confessional group's resilience against external challenges, which can end in it disappearing entirely. The tasks and aspects of studying sacred geography are discussed in the introductory article by Constantin A. Panchenko.

The first section of the issue focuses on various aspects of venerating holy sites in Christian cultures of the Byzantine tradition. General theoretical insights into the typology and evolution of sacred spaces, exemplified by specific regions like Crimea and Byzantine Egypt, can be found in the articles by Pavel V. Kuzenkov and Anton A. Voytenko.

Venturing slightly beyond the Eastern Christian realm, Dmitry E. Mishin offers an overview of the sacred geography in Iran under the Sasanian dynasty, an empire as ideologically driven as its perennial rival, Christian Byzantium. Iranian Zoroastrianism, a religion with no typological similarities to Christianity, presents a fascinating opportunity to compare both the unique and shared aspects of the two ideocratic empires' sacred geographical models. In its essence, the need for a system of places of worship and associated rituals is inherent to any human community, and representatives of vastly different civilizations occasionally show remarkable similarities in their traditional ways of venerating holy sites.

Alongside general theoretical discussions, this issue showcases specific examples of local or regional holy site systems, as well as their evolution and its close ties to the destinies of the surrounding Christian communities. For instance, the article by Constantin A. Panchenko is dedicated to the Kalamun plateau, an area in central Syria between Damascus and Homs that, until recently, was home to a dense Christian population and a hub for the New Aramaic dialect, featuring a network of monasteries and local places of worship. This system's development, complexity, and degradation can be linked to the ethno-cultural and demographic processes within the Christian population of the region.

Many nodes of Middle Eastern sacred geography had not just regional, but pan-Christian significance, attracting the faithful from diverse and distant peoples and cultures. Alongside Jerusalem, the monasteries of the Judean Desert, and several other monastic communities, such notable sites include the monastery of St. Catherine on Sinai, a major spiritual gravitational center of the Christian world. The article by Elena V. Romanenko goes over hypothetical scenarios of pilgrimage to Sinai by Nilus of Sora, one of Medieval Russia's most revered monastic figures.

The subject of the holy sites of Palestine continued to carry great significance in Russia throughout the last century of the Russian Empire: one need only consider that the dispute over the possession of the keys to the Bethlehem Basilica of the Nativity was a pretext for starting the Crimean War. In the early 20th century, Russia, represented by various semi-government-run entities, wielded considerable influence in the Middle East, as evidenced by the project run by Grand Duchess Elizabeth Feodorovna, head of the Imperial Orthodox Palestine Society, with the goal of securing Russian ownership of several plots within the Church of the Holy Sepulchre. This dream of the Grand Duchess, which was so close to becoming real but ultimately remained unfulfilled, is the focus of the article by Elena Y. Kovalskaya.

The issue's second segment continues with similar themes of sacred geography, this time exemplified by Islamic civilization.

Going on pilgrimages to the sacred shrines of the respective religion counts among the fundamental rituals in almost any culture. Yet there is hardly any other faith where this tradition is held in such high regard as in Islam. The Hajj, the pilgrimage to the holy cities of Arabia, stands as one of the most crucial religious obligations for Muslims. For centuries, this pilgrimage has played a significant role in the ideological, political, and social life of Muslim societies, on top of forming the economic backbone for the holy cities of the Hijaz region. To cite one example, the Ottoman sultans' claims to leadership in the Muslim world were bolstered by their title of *khadim ul-haramain* (Custodian to the Two Holies: i.e., Mecca and Medina). Organizing and overseeing annual pilgrimage caravans was considered a paramount duty of the Ottoman state system. One such caravan, led by the Damascus Pasha, merged pilgrim streams coming from the Asian and European territories that were part of the Muslim civilization; another, organized by Ottoman Egyptian authorities, guided pilgrims to Mecca from Africa. The operation of these two pilgrimage

routes—the Egyptian and the Syrian—is discussed in the articles by Svetlana A. Kirillina and Dmitriy R. Zhantiev. The system of spiritual hubs at the extreme south-west of the Muslim world, where the Maghreb meets tropical Africa, is analyzed in the study by Vladimir V. Orlov. The depiction of sacred sites in Islam from the eastern Shia perspective of the 11th century Iranian intellectual Nasir-i-Khusraw is presented in the article by Marina L. Reysner.

The issue of adding legitimacy and religious weight to their rule was a concern for all Muslim rulers, but it became particularly acute in Medieval Egypt's Mamluk Sultanate, governed by a class of warrior-slaves who were first-generation Muslims. The article by Milana Yu. Iliushina illustrates how the Mamluk Sultans, without claiming any personal spiritual authority, endeavored to integrate their mausoleums into Egypt's sacred landscape to gain favour with local spiritual leaders.

The narratives of civilization clashes, each with its own system and perception of sacred geography, are of particular interest. One particularly memorable instance of such a clash was Bonaparte's Egyptian Campaign, where several distinct, almost alien worlds dramatically collided in the direct vicinity of the Abrahamic faiths' main holy city. The article by Taras Y. Kobishchanov examines the events of the Egyptian Campaign in terms of how the region's sacred sites were perceived within the Muslim and Christian traditions, as well as how they were regarded from the secular viewpoint of the French revolutionary society represented by Bonaparte and his circle.

Sacred geography has often served as the battleground in conflicts between civilisations. This most commonly and visibly manifests through destroying the enemy's sites of worship and appropriating other cultures' «places of power». A notable example is the fate of the main Byzantine cathedral, the Church of St. Sophia, which became the Hagia Sophia Mosque, and has recently undergone several dramatic changes in its status. Mikhail I. Yakushev researches how the mosque's interior transformed in

the Ottoman era and how this was perceived by European artists working in the Ottoman capital.

Modern and postmodern secular states are just as invested in creating their own sacred geography as their religiously driven Medieval counterparts. Today's ideologically significant sites are typically secular, and often associated with major milestones from military history. Some newly established states, like the Arabian principalities of the Persian Gulf, do not have much of a storied past, and thus urgently require their own religious landmarks. Elena S. Melkumyan's work explores efforts to construct a unique and illustrious heritage in Kuwait, a country with a brief and not quite eventful history.

The materials in this issue cover only a fraction of the potential perspectives on studying places of worship and the associated traditions. We are hoping that our journal will foster interest in sacred geography, specifically as a dynamic phenomenon that mirrors the political interests, cultural creativity, social dynamics, and spiritual pursuits of an endless variety of diverse peoples and their respective cultures.

Although this issue is dedicated to one specific topic, we have also included a study prepared by Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky: *The February Revolution in Moscow Through Observations, Rumors, and Dialogues*. Based on the Diaries of N.P. Vishnyakov. The editorial board decides to incorporate unrelated documents and sources into a dedicated issue if such materials began the process of publication previously, upon their completion. This publication continues the release of Vishnyakov's epistolary heritage, which began with the 38th issue of the journal, featuring excerpts from two manuscripts: *Autobiographical Notes and Duma Memories and Impressions*.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

СОДЕРЖАНИЕ

К.А. Панченко. Сакральная география в истории
авраамических религий Востока 20

ХРИСТИАНСКАЯ И ЗОРОАСТРИЙСКАЯ САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

П.В. Кузенков. Империя-вселенная и ее ареал.
О приложении концепта государства-цивилизации
к истории Византии 38

А.В. Войтенко. «Пространство святых» как особенность
сакральной географии поздней Античности (на примере Египта) . . 62

Д.Е. Мишин. Зороастрийская сакральная география
Сасанидской державы 82

К.А. Панченко. Христианская сакральная география
плато Каламун в Средневековье и Новое время 112

Е.В. Романенко. Паломничество Нила Сорского
на Христианский Восток 132

Е.Ю. Ковальская. Несбывшаяся мечта великой княгини
Елизаветы Федоровны: к вопросу о проекте русского присутствия
в храме Гроба Господня (1912–1917 гг.) 160

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МУСУЛЬМАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С.А. Кириллина. Египетский паломнический маршрут
(дарб ал-хадж ал-мисрий) — ключевое звено сакральной
географии мира ислама (XVII–XVIII вв.) 204

- Д.Р. Жангиев.** «Врата Каабы»: Дамаск и сирийский маршрут хаджа в сакральной географии османской Сирии в XVI–XIX вв. 224
- М.Л. Рейснер.** Между Меккой и Каиром: «старая» и «новая» сакральная география в «Книге путешествия» и поэзии Насир-и Хусрава (1004–1088). 240
- М.Ю. Илюшина.** Мамлюкская сакральная топография: стратегия и практика репрезентации власти. 254
- В.В. Орлов.** Сакральное знание и сотрудничество региональных ученых традиций: опыт Магриба и Сахеля (XVI–XIX вв.) 270
- Т.Ю. Кобищанов.** Сакральные пространства и Восточная экспедиция Наполеона Бонапарта 286
- М.И. Якушев.** Сакральное пространство Св. Софии в восприятии европейских художников. 304
- Е.С. Мелкумян.** Эль-Джахра как символ воинской доблести Кувейта. 328

ИСТОЧНИКИ

- В.В. Хутарев-Гарнишевский.** Февральская революция в Москве в наблюдениях, слухах и диалогах. Из дневников Н.П. Вишнякова 342

CONTENTS

SACRED GEOGRAPHY OF THE MIDDLE EAST

Editor: **Constantin A. Panchenko**

Constantin A. Panchenko. Sacred Geography in the History
of Abrahamic Religions of the East 20

CHRISTIAN AND ZOROASTRIAN SACRED GEOGRAPHY OF THE MIDDLE EAST

Pavel V. Kuzenkov. The Empire-Universe and Its Area.
On the Application of the Concept of State-Civilization
to the History of Byzantium 38

Anton A. Voytenko. «The Space of the Saints» as a Feature of the Sacred
Geography in Late Antiquity (Using the Example of Egypt)..... 62

Dmitry E. Mishin. Zoroastrian Sacred Geography
of the Sasanid Empire 82

Constantin A. Panchenko. Christian Sacred Geography
of the Kalamun Plateau in the Middle Ages and Modern Era..... 112

Elena V. Romanenko. Pilgrimage of Nil Sorskyto the Christian East . 132

Elena Y. Kovalskaya. The Unfulfilled Dream of Grand Duchess
Elizabeth Feodorovna: the Project of Russian Presence
in the Church of the Holy Sepulchre (1912–1917) 160

SACRED GEOGRAPHY OF THE ISLAMIC CIVILIZATIONS

Svetlana A. Kirillina. Egyptian Pilgrimage Route (Darb Al-Hajj
Al-Misriy). A Key Link in the Sacred Geography of the Islamic
World (17th–18th Centuries) 204

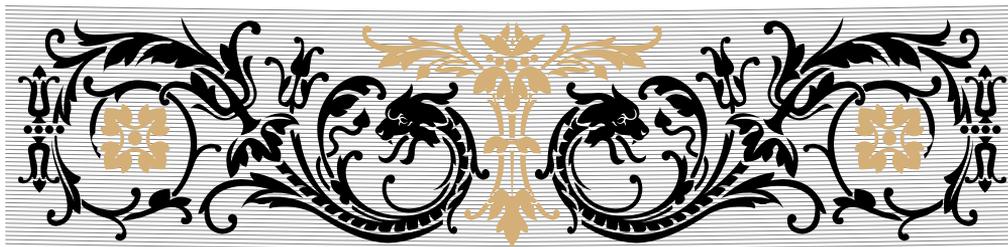

- Dmitriy R. Zhantiev.** The Gate of the Kaaba: Damascus and the Syrian Hajj Route in the Sacred Geography of Ottoman Syria from the 16th to the 19th Centuries 224
- Marina L. Reysner.** Between Mecca and Cairo: «Old» and «New» Sacred geography in the «Book of the Ravel» and Poetry of Nasir-i Khusraw (1004–1088)..... 240
- Milana Yu. Iliushina.** Mamluk Sacred Topography: Strategy and Practice of Power Representation 254
- Vladimir V. Orlov.** Sacred Knowledge and Cooperation Among Regional Scholarly Traditions: Insights from the Maghreb and the Sahel (16th–19th Centuries) 270
- Taras Y. Kobishchanov.** Sacred Spaces and the Eastern Expedition of Napoleon Bonaparte. 286
- Mikhail I. Yakushev.** The Sacred Space of Hagia Sophia in the Perception of European Artists 304
- Elena S. Melkumyan.** Al Jahra as a Symbol of Kuwaiti Military Valor. . 328

SOURCES

- Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky.** The February Revolution in Moscow Through Observations, Rumors, and Dialogues. Based on the Diaries of N.P. Vishnyakov 342

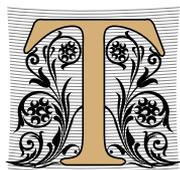

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.48.017

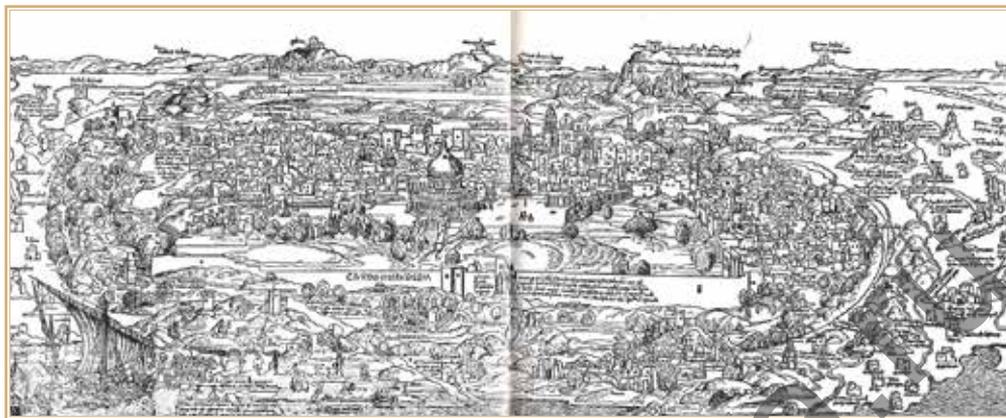
К.А. Панченко

САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ В ИСТОРИИ АВРААМИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ ВОСТОКА

Темой настоящего номера выступает проблематика сакральной географии в ближневосточных религиозных системах от поздней Античности до Нового времени. Это понятие включает в себя широкий спектр сюжетов — объекты поклонения, «места силы», календарный цикл праздников, паломничество и сопутствующие ритуалы в религиозных традициях ислама, восточного христианства, иудаизма.

Предлагаемая проблематика ни в коей мере не сводится к описательным, нарративным сюжетам, реконструкциям застывшей картины святых мест и религиозных обрядов той или иной этноконфессиональной группы. Сакральную географию есть смысл изучать только в динамике, как процесс постоянного изменения, усложнения или упрощения системы культовых объектов, разрастания или упадка вдохновенного ими литературного творчества, отливающегося в паломнические итнерарии и циклы преданий, связанных с местами поклонения. Динамика сакральной географии выступает индикатором жизненной энергии того или иного народа. Культ «своих» пророков, святых, мучеников образует кристаллическую решетку этномаркеров, поддерживающих идентичность любого человеческого сообщества.

Иерусалим, святой город трех религий. Гравюра Эрхарда Рёвixa. 1483 г.

С другой стороны, утрата звеньев сакральной географии, забвение соответствующих традиций ведут к ослаблению резистентности этноконфессиональной группы перед лицом внешних вызовов, что может закончиться ее исчезновением. Во многих случаях сакральная география выступает главным этнообразующим фактором, и ее разрушение означает «национальную катастрофу», если такие понятия применимы для доиндустриальных обществ. Еще ассирийцы практиковали вывоз статуй богов из разоренных капищ поверженных народов с целью раздавить противника морально и лишить его воли к дальнейшему сопротивлению.

Самым ярким примером связи между исторической судьбой народа и его сакральной географией выступают евреи эпохи Второго храма. Иерусалимский храм выступал для них не главным, а единственным святым местом на земле, каналом связи народа Израиля с Богом. Альтернативных святилищ других религий на территории, подконтрольной династии Хасмонеев, они не терпели — отсюда разрушение храма самаритян на горе Горизим в 128 г. до н.э. Самаритяне потом пытались его воссоздать с таким же упорством, с каким евреи стремились к восстановлению Иерусалимского храма, уничтоженного римлянами в 70 г. в ходе Иудейской войны. Это событие, разрушение Второго храма, стало для евреев тяжелейшей психологической травмой, разделившей их историю на «до» и «после». Значительная часть «Мишны», сборника текстов еврейской религиозной традиции, составленного несколькими поколениями книжников, живших уже после Иудейской войны, посвящена мелочной регламентации ритуалов в Иерусалимском храме, который больше не существовал в природе. Согласно одному из объяснений, еврейские мудрецы были твердо убе-

ждены, что храм когда-нибудь будет восстановлен, и жизнь вернется в норму¹. Восстание Бар Кохбы, последнее масштабное выступление евреев против Рима (132–135 гг.) под эсхатологическими лозунгами финальной битвы Света и Тьмы, началось после того, как император Адриан принял решение построить на месте развалин Иерусалима новый город Элия Капитолина, тем самым перечеркивая даже иллюзорную надежду на восстановление Храма².

Черода попыток возрождения Иерусалимского храма на этом не закончилась, но важнее отметить, что подобное отношение к сакральной географии свойственно в той или иной степени всем культурам и религиям. Но если у большинства из них истоки сложения системы святых мест теряются в дописьменной праистории, то на примере христианства и ислама историк может детально наблюдать процесс зарождения и становления кристаллической решетки топографических маркеров новой религии.

Первый набросок христианской сакральной географии был создан меньше чем за пару десятилетий, еще при жизни императора Константина. Огромные ресурсы были вложены в создание зримых символов новой религии — храма Гроба Господня, базилики Рождества в Вифлееме, храма Вознесения на Елеонской горе, первых соборов Константинополя и Антиохии, развитие инфраструктуры паломничества в Палестине, ставшей Святой землей христианской империи. Далее сакральная география христианства развивалась волнообразно — так, очередные кампании по зачистке ландшафта от языческих храмов или подъем христианской строительной активности можно видеть в правление императоров Феодосия (379–395) и Юстиниана (527–565).

При этом каждый из регионов империи выстраивал свою собственную систему мест поклонения, претендуя на прямую связь с евангельской историей. Так, если в Эдессе главной святыней был плат с Нерукотворным образом Христа, то в соседнем Манбидже (носившем, кстати, имя Иераполис — «Святой город» — это был центр дохристианского культа богини Атагартис) не мог не появиться альтернативный объект поклонения — черепица крыши, на которой отпечатался тот же Неру-

¹ Шиффман Л. От текста к традиции. История иудаизма в эпоху Второго храма и в период Мишны и Талмуда. Иерусалим; М., 2002. С. 156–162; Ткаченко А.А. Иудаизм раввинистический / ПЭ. Т. 28. С. 405–407.

² Schuerer E. The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. — A.D. 135). Edinburg, 1973. P. 534–542.

Св. Кувуклий в храме Гроба Господня. Гравюра Эрхарда Рёвиха. 1483 г.

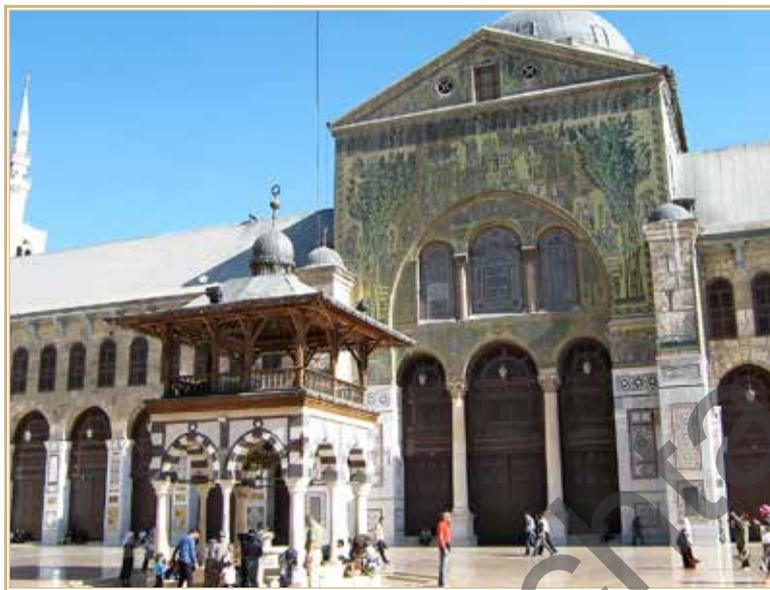
котворный образ, когда его, по преданию, по дороге в Эдессу спрятали на ночь на крыше дома в Манбидже³.

Другой пример — пребывание Святого семейства в Египте. Краткое упоминание об этом в Евангелии от Матфея уже к концу IV в. отлилось во вполне конкретный итинерарий с центром в г. Гермополисе (аль-Ашмунайне). Эти предания о путешествии Святого семейства разрастались с каждым столетием, обрастая новыми подробностями и остановочными пунктами. Тем самым Египет позиционировался как своего рода Святая земля. Причем сами тексты о тех или иных объектах, связанных со Святым семейством, для придания им дополнительного авторитета приписывались почитаемым патриархам Александрийской церкви, в реальности жившим за век или два до создания этих сочинений⁴.

К моменту арабского завоевания долина Нила была покрыта густой сетью сакральных мест — церквей, часовен, монастырей, мавзолеев, связанных с теми или иными локальными святыми. Тем самым обеспечивалась укорененность египетских христиан-коптов на своей земле. Тем не менее, в первое столетие Аббасидов коптская община пережила тяжелый социальный, демографический и моральный кризис, стимулировавший ее исламизацию. Археологи отмечают исчезновение между

³ Segal J. Edessa, «the Blessed City». Oxford, 1970. P. 78.

⁴ Swanson M. The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; N.Y., 2010. P. 12–13.

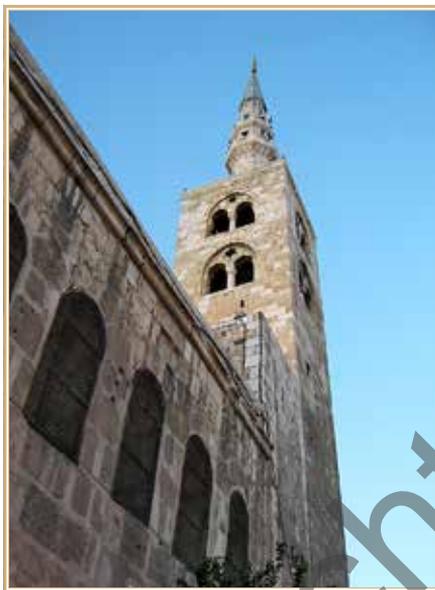

Мечеть Омейядов, Дамаск. 708–715 гг. Фото автора

серединой VIII в. и серединой IX в. в египетской глубинке множества маленьких церквей, посвященных местночтимым святым. На их место пришли обширные, но немногочисленные церкви, носившие имена основных фигур христианского культа, как св. Георгий. Тем самым сакральный ландшафт Египта расчищался, чтобы в будущем заполниться уже гробницами локальных мусульманских святых⁵.

Мусульманская сакральная география развивалась столь же волнообразно. Ее базовые точки возникли достаточно быстро — мекканская Кааба, могила пророка в Медине, мечеть аль-Акса, Купол Скалы, мечеть Омейядов в Дамаске (кстати сказать, место битвы с Даджалем-Антихристом в Судный день). Складывалась и оппозиционная шиитская сетка святых мест вокруг гробниц имамов-мучеников (уже халиф аль-Мутаваккиль (847–861) принимал меры к подавлению шиитского паломничества в Кербелу). Но настоящий бум заполнения вмещающего ландшафта мусульманскими местами поклонения начался позже. Его связывают с так называемым «суннитским возрождением» XI в., которое получило новый стимул в следующее столетие в обстановке противостояния с крестоносцами. Между серединой XI в. и началом XIII в. в сиро-палестинском регионе на волне религиозного энтузиазма воз-

⁵ Brett M. Population and conversion to Islam in Egypt in Medieval Period / Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras // OLA. 140. Leuven, 2005. P. 1–32, здесь p. 19.

Минарет Иисуса, юго-восточная оконечность мечети Омейядов. Фото автора

никли сотни мест поклонения — гробниц библейских пророков, *сахабов* (сподвижников Мухаммада) (часто эти объекты, уже «забытые», удавалось идентифицировать через вещие сны), а также усыпальниц прославленных алимов и суфийских святых того времени. Ученые называют эти святыни «вторичными» локациями, отличая их от изначальной, «первичной» сети мест поклонения, завязанной на несколько религиозно значимых городов — Иерусалим, Вифлеем, Хеврон и др. Теперь центры паломничества появлялись в самых маргинальных городках и деревнях. Причем ученые географы, вроде аль-Якута (1178/80–1229), весьма скептически относились к аутентичности этих якобы гробниц *сахабов* и пророков. Однако низовая народная инициатива, плодившая сакральные объекты, находила поддержку у правящих элит и алимского корпуса (в отличие от более поздних времен, когда ханбалитские очистители ислама пытались бороться с народными культурами)⁶.

Одним из самых зримых проявлений того, как функционирует система сакральной географии, выступает традиция паломничества. Она способствует этнической или надэтнической консолидации верующих — достаточно привести пример мусульманского хаджа. В некоторых случаях на этих паломнических потоках держится сама экономика религиозных структур или святых городов.

⁶ Talmon-Heller D. Graves, Relics and Sanctuaries: the Evolution of Syrian Sacred Topography (11th–13th cent.) // ARAM, 18–19 (2006–2007). P. 601–620.

Сергиополис (Расафа), центр культа свв. Сергия и Вакха в Сирийской пустыне.
 Базилика Святого Креста. 559 г. *Фото автора*

Хорошо известно, что экономическое выживание Мекки и Медины зависело исключительно от масштабов хаджа и материальных вливаний со стороны мусульманских правителей, претендовавших на титул *хадим аль-харамейн* («слуга двух святынь»). Точно так же благосостояние не только христианских религиозных институтов Святого града, но и всех жителей Иерусалима и Вифлеема независимо от религиозной принадлежности было связано с христианским паломничеством ко Гробу Господню. Одни местные жители продавали паломникам по высоким ценам воду и продукты, другие — сувениры, вроде перламутровых крестиков, третьи предоставляли внаем верховых животных для паломнических караванов, часто в принудительном порядке⁷.

Так, русский паломник середины XVIII в. Серапион оставил красочное описание отправки каравана богомольцев из Иерусалима к Иордану: «Тогда везде по улицам, а наипаче от монастырей, где поклонники сидят, великий крик и смятение было; понеже Арапи отовсюду понаездили с верблюдами, конями и ослятами, многое множество, и постановились по улицам везде, ...и всяк Арапин исходящих поклонников, ов на своего верблюда, другой на своего коня, иной на ося, предваря друг

⁷ Путешествие Волнея в Сирию и Египет, бывшее в 1783, 1784, 1785 годах. М., 1793. Т. II. С. 427.

Кальбат Сам'ан (Сев. Сирия), город, возникший в V в. вокруг места подвигов св. Симеона Столпника. Одна из гостиниц для паломников. *Фото автора*

друга, хватив и сажав, своего ради прибытка, и бе видети тогда между Арапами великое несогласие и междоусобная брань, и великий крик... а которые не хотели садиться... на верблюда, хотя сами шествовати своими ногами, тих Арапи удержовали и шановали добре палечам по боках, а иногда и по голове, и силою на скот садили, разве кто хитростию якою рано еще выскочил за город»⁸. Другой русский паломник начала XVIII в. жаловался: «Арапы окаянные сильно сажают на коня; и бьют кто как не хочет ехать на лошади; великое насилие!»⁹ «Они собаки сильно извозом грабят, — пояснял он, сообщая расценки — полтина за 10 верст»¹⁰.

Во многих случаях традиция паломничества выступала градообразующим фактором. Второй по величине город Ирана Мешхед возник вокруг гробницы шиитского имама Резы (Али ибн Мусы ар-Рида) (770–818). Христианскими аналогами, правда, более скромных масштабов, могут выступать Сергиополис в Сирийской пустыне, живший за счет культа мощей свв. Сергия и Вакха, Кальбат Сам'ан (монастырь

⁸ Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона / Паломники-писатели петровского и послепетровского времени или путники во град Иерусалим/ Под ред. Архимандрита Леонида // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1874. № 3. V. С. 78–128, здесь с. 119.

⁹ Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 4. Кол. 339.

¹⁰ Там же. Вып. 3. Кол. 260.

св. Симеона Столпника) под Халебом, обросший целым городом, обслуживающим паломнический поток, или городок Абу Мина в пустыне Мареотис под Александрией, главный центр паломничества египетских христиан. На протяжении IV–VII вв. стараниями византийских императоров там было возведено семь храмовых комплексов, все более обширных и величественных. Город был частично разрушен во время персидского нашествия начала VII в. (сопровождаясь целенаправленным уничтожением объектов вражеской сакральной географии), но пережил новое возрождение в начале арабского владычества¹¹.

Опять же, Абу Мина, где концентрировались обильные подношения паломников, выступал главным источником дохода Коптской патриархии, помимо своей роли ведущего сакрального центра христианского Египта. Неудивительно, что после восстановления в Египте в 740-х гг. православной (мелькитской) иерархии новопоставленный патриарх Косма предпринимал усилия по возвращению в собственность мелькитов церковных зданий, в свое время захваченных коптами, включая и монастырь в Абу Мина. Долгая тяжба коптов и мелькитов перед мусульманскими властями за обладание усыпальницей св. Мины обросла обильной пропагандистской литературой с обеих сторон, где самоидентификация соперничающих христианских общин Египта, их претензии на автохтонность напрямую увязывались с правом на обладание мощами св. Мины. В тот раз копты одержали победу¹².

Однако дезинтеграция халифата во время гражданской войны сыновей Харуна ар-Рашида в 811–813 гг. нанесла катастрофический удар по христианской сакральной географии. Орды бедуинов и банды никому не подчинявшихся локальных правителей разграбили и разрушили множество монастырей от египетского Скита (Вади-Хабиб) до Иудейской пустыни и долины Оронта (включая главный духовный центр мелькитов лавру Святого Саввы и системообразующий монастырь маронитской общины Мар Марун). Тогда же обрывается и паломничество в Абу Мина.

«Выбивание» этого этномаркера стало одним из дополнительных факторов морального кризиса и нарастающей исламизации коптской общины. Помимо прочего, Коптская патриархия лишилась денежных

¹¹ Swanson. Op. cit. P. 12.

¹² History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Ed. B. Evetts / PO, T. V, fasc. 1. P. 119–132; Swanson. Op. cit. P. 20.

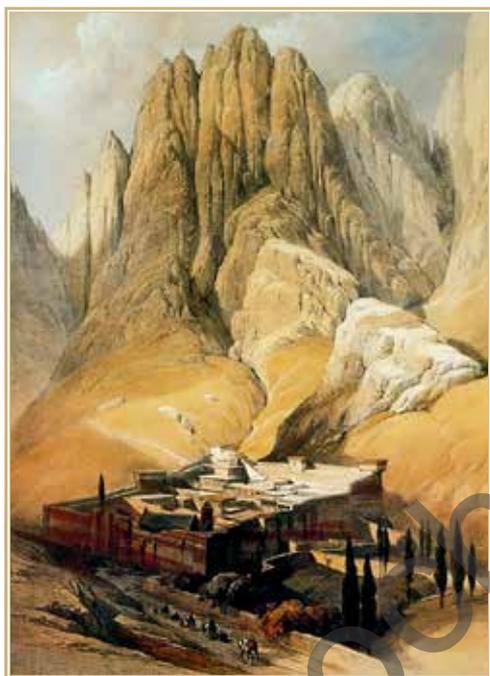
Лавра Святого Саввы в Иудейской пустыне. Акварель Д. Робертса. 1839 г.

поступлений из Абу Мины, и церковная экономика стала сыпаться. Не в силах удовлетворить растущие налоговые домогательства властей халифата, патриархи начали прибегать к практике симонии, продаже церковных должностей, что еще более деморализовало коптскую общину¹³.

Выше упоминалось о соперничестве коптов и мелькитов за монастырь Абу Мина. Здесь мы соприкасаемся со сквозной темой, сопровождающей всю христианскую историю: противоборством различных исповеданий за контроль над звеньями сакральной географии, обладающими общехристианским значением. Наиболее известна в этой связи борьба за обладание святыми местами Палестины, которая много веков составляла основное содержание политической истории христианских церковных структур Иерусалима и, среди прочего, послужила предлогом для Крымской войны, в которой погибло чуть ли не полмиллиона человек.

Чтобы не ходить далеко за примером соперничества за святые места, можно указать на нынешнюю ситуацию вокруг Киево-Печерской лавры. Сюжет этот, конечно, выходит за географические рамки проблематики номера, но очень хорошо показывает, что такое сакральная география и какое она несет смысловое наполнение даже в наш секулярный век.

¹³ Swanson. Op. cit. P. 33, 37, 46.

Синайский монастырь Святой Екатерины. Акварель Д. Робертса. 1839 г.

Не меньший интерес представляет борьба за обладание мощами почитаемых святых, как между различными общинами и институциями в рамках одной религиозной группы, так и между разными исповеданиями. Очень колоритный пример дает Житие одного из первых арабо-христианских мучеников Абд аль-Масиха ан-Наджрани, синайского монаха VIII в., казненного в Рамле арабским наместником Палестины. Тело святого было брошено в колодец и завалено горящим хворостом, а у самого колодца выставлена охрана, чтобы предотвратить почитание христианами останков мученика. Выждав около года, пока эта история несколько забудется, группа синайских монахов и христиан Рамлы под покровом ночи пробралась к колодецу, чтобы достать оттуда тело Абд аль-Масиха. Определенное соперничество из-за мощей между синаитами и жителями Рамлы было очевидно с самого начала. Предоставим слово источнику: «Они обвязали одного монаха веревкой, а также привязали корзину, и опустили их вниз... Достигнув дна, он зажег факел и перерыл пепел, доходивший ему до колен, от хвороста, который был сброшен на него [т.е. Абд аль-Масиха]. Первое, что он увидел, был его череп, сиявший, как снег. Потом он извлек остальные части тела. Огонь совсем не повредил их. Он был изумлен и счастлив этим. Он взял его руку и спрятал ее, а также некоторые другие кости. Оставшееся он сложил в корзину и крикнул, чтобы ее

поднимали. Когда ее подняли, все, кто был наверху, схватились за нее, и они убежали с ней в нижнюю церковь. Трое остались и вытащили наверх монаха. Подняв его, они тоже отправились в церковь Мар Кириака и застали там людей спорящими из-за него [т.е. Абд аль-Масиха]. Монах, который спускался вниз, не перестал спорить, пока не заполучил главу. Кроме того, они [т.е. люди ар-Рамлы] разрешили ему взять руку, которую он подобрал в колоде. Они похоронили его [т.е. Абд аль-Масиха] в Диакониконе, оставив только локтевую кость и бедро, чтобы выносить людям на благословение. Монахи ушли на Синай с его главой и учредили праздник в его честь»¹⁴.

Значительное число почитаемых мощей было захвачено или выкрадено на Ближнем Востоке латинянами в эпоху Крестовых походов и в последующие века. Крестоносный колониальный проект означал не только эксплуатацию материальных ресурсов Заморья, но и выкачивание оттуда источников божественной благодати, которые должны были теперь осеять западные страны. Широко известно разграбление святынь Константинополя в ходе Четвертого крестового похода. Но и после, даже утратив свои владения на Востоке, потомки крестоносцев продолжали охотиться за оставшимися там св. мощами. Сеть итальянских факторий-фондакко в портах Леванта облегчала техническую сторону похищения и вывоза святынь.

Так, в 1249 г. останки св. Саввы, крупнейшего духовного лидера византийского монашества, были украдены венецианцами, вывезены из Палестины и выставлены в венецианской церкви Сан-Антонио¹⁵. В 1419 г. венецианцы выкрали главу ап. Марка, хранившуюся в коптском кафедральном соборе Александрии — событие это имело такой резонанс, что о нем написали даже мусульманские хронисты¹⁶. В 1450-е гг. на Ближнем Востоке работала папская миссия Моиса Жибле, перед которой стоял ряд задач церковно-политического характера, в том числе вывоз мощей св. Феклы в Маалюле, для чего планировалось прибегнуть

¹⁴ Griffith S. The Arabic Account of 'Abd al-Masih an-Nagrani al-Ghassani. P. 374 / Griffith S. Arabic Christianity in the Monasteries of Ninth-Century Palestine. Great Yarmouth, 1992. Ch. X. P. 331–374.

¹⁵ Forestiere Illuminato Intorno le cose piu' rare, e curiose antiche e moderne della citta di Venezia, e del' isole circonvicine. Venezia, 1772. P. 144; *Flaminio Cornaro*. Notizi storiche delle Chiese e Monasteri di Venezia. Padova, 1758. P. 32–33. Благодарю А.А. Королева за предоставление информации об этих источниках.

¹⁶ *Ахмад ибн Али аль-Макризи*. Китаб ас-сулюк ли маарифат дуваль аль-мулюк. Ч. VI. Бейрут, 1997. С. 506.

к содействию ливанских эмиров области Гарб¹⁷ (впрочем, эту часть программы выполнить не удалось). Стоит отметить, что во второй половине XX в. Ватикан в качестве жеста примирения с восточными христианами вернул мощи св. Саввы и главу ап. Марка прежним владельцам.

Циркуляция св. мощей и других реликвий могла иметь и вполне легальный характер. В эпоху активного покровительства Русского государства Православному Востоку в XVI–XVII вв. мощи святых были важнейшей статьёй экспорта левантийских христиан в Москву. Это было единственное, чем посланники ближневосточных монастырей и патриархов могли отблагодарить северных единоверцев за присылаемую милостыню (не считая, конечно, разведанных о военно-политической ситуации в Юго-Восточной Европе, за что в реальности греки и получали финансовую помощь; доставка мощей была лишь прикрытием¹⁸). По мере перетекания святых реликвий на Русь там укреплялось мнение, что теперь главными источниками благодати обладает Третий Рим, а не Восток, где греческое православие «испроказилось» под басурманским владычеством¹⁹.

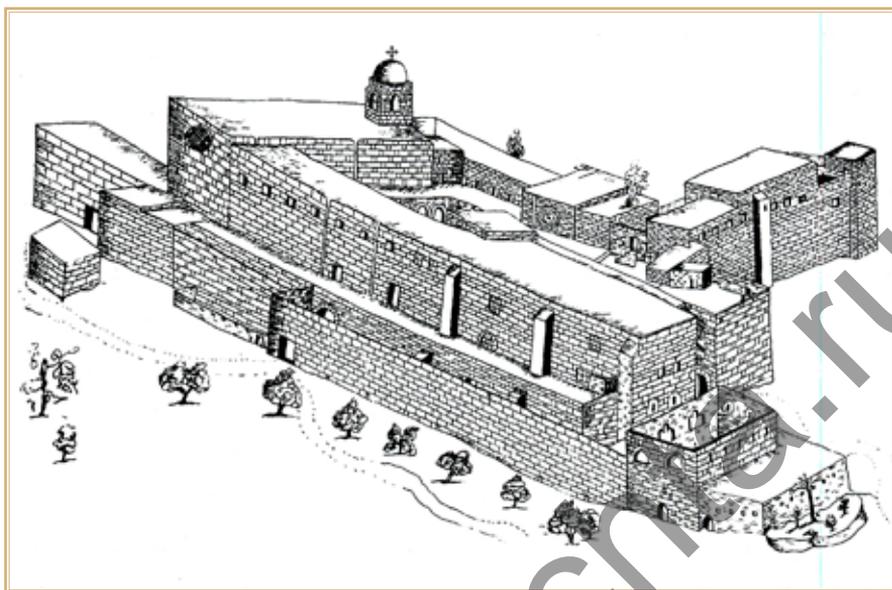
Наряду с долгой историей конфликтов за обладание местами поклонения, известны и примеры относительно мирного сосуществования различных исповеданий вокруг святых мест Ближнего Востока, совместное почитание святынь представителями не только разных исповеданий, но и конкурирующих религий. «Народный ислам» легко вбирает в себя элементы верований других религиозных традиций, прежде всего, культ местночтимых святых. Так, алавиты и сунниты поклонялись иконе св. Георгия в православном монастыре Мар Журжис Хумейра на склоне гор Джебель Алави²⁰. Чудотворная верига св. Георгия, хранившаяся в одном из палестинских монастырей, исцеляла бесноватых мусульман так же успешно, как и христиан. Любопытно свидетельство паломника, что во время междоусобных смут в Палестине иерусалимский патриарх отправлял своего посланника-монаха через охваченную мятежом страну, надев на него эту веригу св. Георгия. Такой человек был неприкосновенен для разбойников-бедуинов. Как писал современник,

¹⁷ *Karalevskij C. Antioche // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques. T. III. (1924). Col. 633.*

¹⁸ *Ченцова В.Г. Икона Иверской Богоматери (очерки истории взаимоотношений Греческой Церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010.*

¹⁹ *Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 60–102.*

²⁰ *Соловьев С. Монастырь св. Георгия в Сирии / СИППО. 1905. С. 547–555.*

Монастырь св. Георгия Хумейра, центральная Сирия.
 Рисунок Василия Григоровича-Барского, кон. 1720-х гг.

«так Арапы Георгия боятся, что того человека не трогают, а железы целуют; а тому человеку дают хлеб и овощ»²¹.

Другой яркий пример межрелигиозного взаимодействия — культ чудотворной иконы Богородицы в сирийской Сайднае. В XII–XIV вв. на праздник Успения в монастырь сходились тысячи паломников всех исповеданий, включая и мусульман. Паломничество совпадало с сезоном сбора винограда, бумом виноделия и массовыми народными гуляньями, где мусульмане пользовались возможностью безнаказанно пить вино, что вызывало сильное недовольство ханбалитских религиозных авторитетов Дамаска²².

Эта картина вызывает в памяти другой пример — средневековый коптский праздник разлива Нила, связанный с церковью в Шубре под Каиром. Хранившиеся в церкви св. мощи торжественно погружали в реку, что должно было служить сигналом к подъему воды. Обряд сопровождался народными празднествами, пиковыми продажами вина и пиршествами, в которых принимали участие и мусульмане. Мамлюкские власти неоднократно пытались запретить праздник, изымали мощи, сжигали их и выбрасывали пепел в Нил, но традиция оказывалась сильнее, и обряд возрождался. Конфискации мощей в церкви Шубры отмечены в 1303, 1354, 1381/2, 1437 гг., причем в 1354 и 1437 гг. это со-

²¹ Лукьянов. Указ. соч. Кол. 347.

²² Панченко К.А. Сайднайский монастырь. С. 152–153 / ПЭ. Т. LXI. М., 2021. С. 151–156.

проводилось разрушением церкви. Постепенно мусульманские власти добились своего — характер праздника Нила трансформировался, позднейшие наблюдатели не отмечали в нем христианских элементов²³.

Самый, может быть, драматичный сюжет, связанный с проблематикой сакральной географии, — это ситуация, когда она выступает полем битвы в столкновениях цивилизаций. В этот момент речь идет уже не о завладении чужой святыней (как в случае с Айя-Софьей), а о ее уничтожении и замене своей (как в ситуации с мечетью Омейядов). Разрушение вражеских культовых объектов или присвоение чужих «мест силы» — явление, очень частое в мировой истории. Готические соборы Западной Европы стоят на фундаментах римских языческих святилищ, а те в свою очередь — на месте кельтских священных рощ. То же самое можно наблюдать на Ближнем Востоке — мечети, построенные на месте христианских церквей, возведенных на руинах храмов Юпитера, сменивших на этом месте капища Ваала.

Мы уже приводили пример разрушения римлянами Иерусалимского храма, сопровождавшегося массовыми самоубийствами его защитников, для которых жизнь потеряла смысл. В 614 г. та же судьба постигла уже христианские святыни Иерусалима от рук персов²⁴. Сасанидский шах Хосров Парвиз вполне осознанно позиционировал себя как экзистенциального врага христианской цивилизации. Осквернение иерусалимских святынь и вывоз в Ктесифон почитаемых реликвий, в первую очередь Древа Креста, должны были деморализовать ромеев. Результат, к слову сказать, получился обратный — сасанидский вызов заставил консолидироваться византийское общество. Что любопытно, археологические раскопки в Иерусалиме, действительно, обнаружили братские могилы жертв резни 614 г., но не подтвердили масштабных разрушений церквей, о которых говорят письменные источники. Видимо, константинопольская пропаганда подхватила тему сакральной географии и разорения иноверцами Святого града как инструмент мобилизации общества на тотальную войну за выживание, религиозную войну, похожую на будущие Крестовые походы²⁵.

Столь же знаковыми примерами выглядит борьба с мощами чужих святых. Жития практически всех христианских новомучеников, постра-

²³ Swanson. Op. cit. P. 102, 123.

²⁴ *Антиох Стратиг*. Пленение Иерусалима / Пер. Н.Я. Марр. СПб., 1909.

²⁵ Stoyanov Y. Archaeology versus Written Sources: The Case of the Persian Conquest of Jerusalem in 614 // *Acta Musei Varnaensis*. 2007. Т. 8. № 1. P. 351–358.

давших при мусульманском владычестве, содержат сцены сожжения или утопления тел казненных во избежание превращения их в объекты поклонения. Гонители прекрасно понимали силу мертвых героев. Опять же, достаточно частотна тема чудесного спасения мощей и их обретения христианами²⁶. Но еще интереснее, что целенаправленному уничтожению подвергались останки не только новомучеников, так и древних святых-этномаркеров, вроде бы не имевших отношения к политическим коллизиям последующих эпох. Так, османы после подавления очередного восстания сербов сожгли мощи св. Саввы Неманича, создателя Сербской Церкви, жившего в XIII в., задолго до османской эпохи, прекрасно понимая значение этой фигуры для этнической консолидации непокорного народа. С другой стороны, мятежные сербы, уходя от подступавшей османской армии, забирали с собой в изгнание мощи почитаемых святых, как князя Лазаря, героя Косовской битвы, который вернулся в место своего изначального упокоения только через 600 лет.

Все эти сюжеты, рассматриваемые на примерах разных регионов, эпох и религиозных систем, позволяют выявить общие закономерности развития сакральной географии и ее роли, подчас более чем значимой, в общественно-политической истории народов Ближнего Востока.

²⁶ Панченко К.А. Культ новомучеников у мелькитов в позднее Средневековье // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2022. Вып. 73. С. 71–83.

REFERENCES

1. *Brett M.* Population and conversion to Islam in Egypt in Medieval Period / Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras // OLA. 140. Leuven, 2005. P. 1–32.
2. *Chentsova V.G.* «Iverskaya» Icon of Theotocos (Essays of a History of Relations between the Greek Church and Russia in the mid. 17th cent. according to Documents of RGADA) [Ikona Iverskoy Bogomateri (oчерki istorii vzaimootnosheniy Grecheskoy Tserkvi s Rossiey v seredine XVII v. po dokumentam RGADA)]. Moscow, 2010.
3. *Griffith S.* The Arabic Account of ‘Abd al-Masih an-Nagrani al-Ghassani / *Griffith S.* Arabic Christianity in the Monasteries of Ninth-Century Palestine. Great Yarmouth, 1992. Ch. X. P. 331–374.
4. *Karalevskij C.* Antioche // Dictionnaire d’histoire et de géographie ecclésiastiques. T. III. (1924). Col. 563–703.
5. *Panchenko C.A.* The Monastery of Saidnaya [Saydnayskiy monastyr’] / Pravoslavnaya Encyclopedia. T. LXI. Moscow, 2021. P. 151–156.
6. *Panchenko C.A.* A Cult of Neo-Martyrs among the Melkites of the Late Middle Ages [Kul’t novomuchenikov u melkitov v pozdnee Srednevekov’ye] // Vestnik PSTGU. Ser. III: Filologiya. 2022. T. 73. P. 71–83.
7. *Shiffman L.* From Text to Tradition. A History of Second Temple and Talmud [От текста к традиции. Историya иудаизма в эпоху второго храма и в период Mishny i Talmuda]. Transl. in Russian. Jerusalem; Moscow, 2002.
8. *Tkachenko A.A.* The Rabbinic Judaism [Iudaizm Ravvinisticheskij] / Pravoslavnaya Encyclopedia. T. 28. P. 405–407.
9. *Schuerer E.* The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ (175 B.C. – A.D. 135). Edinburg, 1973.
10. *Segal J.* Edessa, «the Blessed City». Oxford, 1970.
11. *Stoyanov Y.* Archaeology versus Written Sources: The Case of the Persian Conquest of Jerusalem in 614 // Acta Musei Varnaensis. 2007. T. 8. № 1. P. 351–358.
12. *Swanson M.* The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; N.Y., 2010.
13. *Talmon-Heller D.* Graves, Relics and Sanctuaries: the Evolution of Syrian Sacred Topography (11th–13th cent.) // ARAM, 18–19 (2006–2007). P. 601–620.

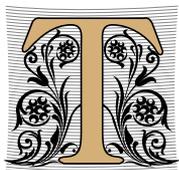

Ключевые слова:

сакральная география; паломничество; культ святых мест; культ мучеников; иудаизм эпохи Второго храма; восточное христианство; ислам; межрелигиозное противоборство.

Constantin A. Panchenko

SACRED GEOGRAPHY IN THE HISTORY OF ABRAHAMIC RELIGIONS OF THE EAST

This article focuses on promising avenues of research in the field of sacred geography. This concept encompasses a broad spectrum of topics, including objects of worship, «places of power», the calendar cycle of festivals, pilgrimage, and associated rituals. It is suggested to view sacred geography not merely as a fixed collection of sacred sites and religious practices tied to particular ethno-religious communities, but as a dynamic process characterized by ongoing changes, complexities, or simplifications in the system of revered objects, as well as the expansion or decline of literary texts inspired by them.

The article discusses the general themes of sacred geography's evolution within the religious traditions of Second Temple Judaism, various branches of Eastern Christianity, and Islam. In particular, it examines factors influencing the expansion or degradation of worship sites in specific religions, as well as topics such as the phenomenon of holy cities and pilgrimage traditions that foster ethnic or supra-ethnic consolidation, and in some cases, underpin the economies of religious communities. Of particular interest are instances of competition for control over sacred sites or revered relics among or within religious groups, as well as the destruction of sacred objects in interreligious conflicts.

Key Words: Sacred Geography, Pilgrimage, Cult Of Holy Sites, Cult Of Martyrs, Second Temple Judaism, Eastern Christianity, Islam, Interreligious Conflicts.

Constantin A. Panchenko – D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University, Department of Middle Eastern and Central Asian Studies.

 Панченко Константин Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова